
КОПИЯ

А Воронов

Копия

https://litres.ru/74696944
SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать лет назад Дон Рейнольдс — тихий библиотекарь, любящий муж и отец. Никто не знает, что когда-то он был серийным убийцей. Он остановился не потому, что его поймали, а потому, что встретил женщину, которая дала ему причину жить.

Но прошлое возвращается. В городе появляется подражатель — Томас Рид, который видел Дона пятнадцать лет назад и запомнил навсегда. Он не хочет мести. Он хочет партнёрства. Он убивает, оставляя на зеркалах те же записки, что когда-то оставлял Дон, и с каждой жертвой подбирается ближе к его семье.

А Воронов
Копия

«Копия»
Роман

Часть I. Пыль
Глава 1

Дон Рейнольдс любил запах старых книг больше, чем запах дождя. В книгах не было крови. В книгах не было криков. В книгах был только шелест страниц — тихий, предсказуемый, безопасный.

Он провёл ладонью по корешкам на полке «История города» и поправил табличку. Руки у него были сухие, аккуратные, с коротко остриженными ногтями. Никто в Мэйплвуде не знал, что эти же руки когда-то делали вещи, о которых здесь не принято говорить даже шёпотом.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет он просыпался рядом с женой, варил кофе, отводил дочь в школу и возвращался в библиотеку. Пятнадцать лет он был никем. И это было лучшее, что с ним случилось.

Утро началось как всегда. В шесть сорок Дон открыл глаза — сам, без будильника, — и несколько секунд лежал неподвижно, слушая дыхание Лизы. Жена спала на боку, подложив ладонь под щёку. На её пальце блестело простое сереб-

ряное кольцо. Дон купил его в ломбарде за сорок долларов, когда у них не было денег даже на приличный ужин. Лиза никогда не спрашивала, почему он выбрал именно это кольцо. Лиза вообще мало о нём спрашивала. Иногда Дону казалось, что она просто не хочет знать.

Он встал, прошёл на кухню, поставил чайник. За окном занимался серый октябрьский рассвет. Двор был пуст — только соседский кот сидел на заборе и смотрел куда-то в сторону шоссе. Дон насыпал кофе в фильтр и подумал о том, что сегодня среда. По средам в библиотеке привозят новые поступления. По средам миссис Харпер приводит внука на развивающие занятия. По средам всё идёт по расписанию.

Дон любил расписания.

— Пап.

София стояла в дверях кухни, заспанная, в огромной футболке с логотипом какой-то группы, которую Дон никогда не слышал. Четырнадцать лет. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок. На щеке — отпечаток подушки.

— Ты сегодня рано, — сказал Дон.

— Не спалось. — Она подошла к холодильнику, открыла его, постояла, глядя внутрь, и закрыла обратно. — Мама говорит, ты вчера до ночи читал.

— Работал с архивом. — Дон налил ей апельсинового сока. — Новые поступления. Кто-то пожертвовал коллекцию викторианских романов. Там есть первое издание «Джейн Эйр».

— Круто, — сказала София без всякого интереса и села за стол.

Дон сел напротив. Он смотрел, как она пьёт сок, как хмурится, глядя в телефон, как машинально отбрасывает со лба прядь. Он любил её больше, чем считал возможным. Это было странное, почти болезненное чувство — любить кого-то настолько сильно, что каждый день боишься не за себя, а за неё. За то, что однажды кто-то придёт и заберёт её. За то, что однажды она узнает, кто её отец.

— Ты сегодня какой-то странный, — сказала София, не поднимая глаз от телефона.

— Я всегда странный.

— Нет. Обычно ты странный по-другому. — Она наконец посмотрела на него. У неё были глаза Лизы — серо-зелёные, внимательные. Слишком внимательные для четырнадцати лет. — Что-то случилось?

Дон покачал головой.

— Просто не выспался.

Он соврал легко. Ложь была его вторым языком, и он ненавидел себя за то, как хорошо на нём говорил.

В библиотеке пахло пылью и кофе из автомата на первом этаже. Дон повесил куртку на спинку стула, включил компьютер и начал обход. Это был его ритуал: каждое утро он проходил между стеллажами, поправляя книги, которые читатели оставили не на месте. Миссис Харпер говорила,

что он «одержим порядком». Дон не спорил. Порядок был не одержимостью, а необходимостью. В мире, где всё может пойти не так в любую секунду, порядок был единственной гарантией того, что ты не сойдёшь с ума.

Он как раз поправлял секцию с биографиями, когда в дверях появилась Эми — студентка-практикантка из местного колледжа, вечно взволнованная, вечно с телефоном в руке.

— Мистер Рейнольдс, вы слышали? — выпалила она с порога.

— Что слышал?

— Вчера на Гринвуд-стрит убили журналистку. Её зовут Клэр Деннис, она работала в «Мэйплвуд Игл». — Эми понизила голос, хотя в зале никого не было. — Говорят, её нашли в квартире. Никаких следов взлома. Дверь была заперта изнутри.

Дон не обернулся. Он поставил биографию Черчилля на место — ровно, как всегда, — и только потом сказал:

— Нет. Не слышал.

— Полиция молчит. Но мой брат работает в участке, он говорит, там что-то странное. — Эми приблизилась, её глаза горели любопытством. — Говорят, на зеркале в ванной была записка. Что-то вроде... послания.

Руки Дона замерли на корешке книги. Одна секунда. Две. Он заставил себя выдохнуть ровно и повернуться.

— Это ужасно, — сказал он.

— Ага. — Эми кивнула, явно ожидая более бурной реак-

ции. — Вы в порядке?

— Просто задумался. — Дон слабо улыбнулся. — Надо будет потом посмотреть новости. Спасибо, что сказала.

Эми ушла, а Дон остался стоять между стеллажами. В груди что-то шевельнулось — старое, холодное, давно запертое на замок. Он знал этот звук. Так звучит прошлое, когда оно просыпается.

«Записка на зеркале».

Он никогда никому об этом не рассказывал. Даже Лизе. Даже в тех редких разговорах, которые они вели шёпотом по ночам, когда он не мог заснуть и она спрашивала, что его мучает. Записка на зеркале была его подписью. Его меткой. Его маленьким, извращённым произведением искусства. Он оставлял их там, где жертва могла видеть их в последние секунды — в ванной, перед зеркалом, где человек обычно смотрится, когда готовится ко сну или просыпается. Он писал их от руки, всегда одним и тем же шрифтом — аккуратным, почти каллиграфическим. Никогда не подписывался. Никогда не оставлял отпечатков. Но записка была всегда.

Пятнадцать лет назад он перестал это делать. Пятнадцать лет назад он похоронил того себя так глубоко, что почти поверил, что его никогда не было.

— Мистер Рейнольдс? — Голос миссис Харпер из-за стойки. — Вам звонит жена.

Дон вздрогнул. Он не слышал, как подошёл. Он вообще ничего не слышал.

— Иду, — сказал он.

Телефон лежал на стойке. Дон взял трубку.

— Привет.

— Ты в порядке? — Голос Лизы был ровным, но Дон слышал в нём напряжение. За пятнадцать лет он научился читать её, как читал людей раньше — по едва заметным изменениям в тоне, по паузам, по дыханию. — Ты ушёл без завтрака.

— Не было аппетита.

— София сказала, ты вёл себя странно утром.

Дон закрыл глаза. Конечно, сказала. В этом доме у него не было секретов — или, по крайней мере, он так думал.

— Просто новости. В городе убили женщину. Это выбило меня из колеи.

На другом конце провода повисла пауза. Дон услышал, как Лиза выдохнула — медленно, словно считая до трёх.

— Я тоже слышала, — сказала она наконец. — По радио. Это... это как-то связано с тобой?

Вопрос был простым. Лиза никогда не спрашивала прямо. Она всегда оставляла ему пространство для лжи, и он всегда этим пространством пользовался. Но сегодня ложь далась ему тяжелее обычного.

— Нет, — сказал он. — С чего ты взяла?

— Не знаю. Просто спросила.

— Это не связано со мной, — повторил Дон. — Я в порядке.

— Хорошо. — Ещё одна пауза. — Приходи домой вовремя. София хочет, чтобы мы вместе посмотрели фильм. Она говорит, ты обещал.

— Помню. В шесть.

— В шесть.

Лиза положила трубку. Дон постоял ещё секунду, слушая гудки, потом повесил трубку и вернулся к стеллажам. Пыль ложилась на пальцы. Он смотрел на неё и думал о том, что прошлое — это не река. Прошлое — это копия. Ты можешь спрятать оригинал, но кто-то однажды снимет с него отпечаток.

К вечеру новости разошлись по всему городу. Дон слышал их в каждом углу: на кассе в супермаркете, у аптеки, в очереди за кофе. Люди говорили шёпотом, но шёпот в маленьком городе громче крика. Клэр Деннис, тридцать два года, журналистка. Написала несколько статей о местных выборах. Никаких врагов, никаких долгов, никаких скандалов. Просто женщина, которая однажды вечером вернулась домой и не проснулась.

Дон знал, что это значит. Он знал это лучше, чем кто-либо в этом городе. Он знал, что за «никаких врагов» всегда скрывается что-то ещё — что-то, о чём жертва молчала. И он знал, что записка на зеркале — это не просто деталь. Это подпись. И тот, кто её оставил, хотел, чтобы её увидели.

Дома он включил телевизор. Лиза сидела на диване с чаш-

кой чая, София — на полу, обложившись учебниками. На экране мелькали кадры: жёлтая лента, машины полиции, лицо журналистки на фотографии. Симпатичная, с короткой стрижкой и серьёзным взглядом.

— Её нашли соседи, — сказала Лиза. — Говорят, она не выходила на работу два дня.

Дон кивнул. Он смотрел не на экран, а на отражение в нём. Своё отражение. Мужчина сорока пяти лет, с усталыми глазами и ранними сединами на висках. Ничего особенного. Ничего, что могло бы выдать в нём того, кем он был.

Но где-то в городе был кто-то, кто знал.

Ночью он не мог заснуть. Лежал в темноте, слушая, как Лиза дышит рядом, и думал о записке. Что там было написано? Эми не знала. Полиция не разглашала. Но Дон знал, как это работает: в маленьком городе всегда найдётся кто-то, кто видел, кто слышал, кто проболтался.

Он встал, прошёл в ванную, включил свет. Зеркало над раковиной было чистым — Лиза протирала его каждое утро. Дон смотрел на своё отражение и вспоминал.

Он вспоминал, как писал эти записки. Как выбирал слова. Как стоял в чужой ванной, глядя на своё отражение в чужом зеркале, и чувствовал... что? Он не мог вспомнить. Это было самое страшное. Он не мог вспомнить, что чувствовал тогда. Только пустоту. Только холод. Только голос в голове, который говорил: «Ты делаешь то, что должен. Ты наводишь

порядок».

Он больше не слышал этот голос. Пятнадцать лет он не слышал его. Но сегодня, глядя в зеркало, он вдруг понял: кто-то другой слышит.

Утром следующего дня он пошёл в участок. Не потому, что хотел. Потому, что должен был. Он сказал себе, что это осторожность, а не страх. Он сказал себе, что просто хочет знать, что происходит в городе. Но глубоко внутри он знал правду: он шёл туда, потому что надеялся услышать что-то, что развеет его подозрения.

Детектив, который вёл дело, оказался женщиной. Сара Митчелл, тридцать шесть лет, тёмные волосы собраны в хвост, на столе — картонная папка и остывший кофе. Она подняла глаза, когда Дон вошёл.

— Мистер Рейнольдс? — Она сверилась с бумагами. — Из библиотеки?

— Да. — Он сел напротив. — Я слышал о Клэр Деннис. Хотел спросить, нужна ли вам какая-то помощь. Она была читательницей. Брала книги по истории.

Это была правда. Клэр Деннис действительно брала книги. Дон проверял формуляры.

Сара смотрела на него секунду дольше, чем нужно. У неё были внимательные глаза — такие же, как у Софии, только старше и жёстче. Дон почувствовал, как что-то внутри него сжимается.

— Спасибо, — сказала она. — Мы сообщим, если понадобится.

— Конечно. — Дон встал. — Соболезную. Это... это ужасно.

— Да, — сказала Сара. — Ужасно.

Он уже был у двери, когда она окликнула его:

— Мистер Рейнольдс.

Он обернулся.

— Вы давно работаете в библиотеке?

— Пятнадцать лет.

— Пятнадцать, — повторила она, словно пробуя слово на вкус. — Хорошо. Спасибо, что зашли.

Дон вышел на улицу. Дождь усилился. Он стоял под козырьком участка и смотрел, как капли разбиваются об асфальт, и думал о том, что детектив Сара Митчелл запомнила его лицо. И это было плохо.

Вечером он вернулся домой позже обычного. Лиза ждала его на кухне.

— Ты был в участке, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да.

— Зачем?

Дон сел напротив неё. На столе стояла чашка чая — уже остывшего. Лиза не притронулась.

— Я хотел узнать, что происходит, — сказал он. — Она была читательницей. Я подумал...

— Ты подумал, что это как-то связано с тобой.

Дон молчал.

— Дон. — Лиза наклонилась вперёд. В её глазах было что-то, чего он раньше не видел. Страх. Настоящий, глубокий страх. — Пятнадцать лет. Пятнадцать лет мы живём здесь. Ты никогда не говорил о прошлом. Я никогда не спрашивала. Но сейчас... — Она замолчала, подбирая слова. — Скажи мне, что это не ты.

— Это не я.

— Скажи мне, что ты не вернулся к этому.

— Я не вернулся.

Она смотрела на него долго. Потом кивнула.

— Хорошо.

Но Дон видел: она не поверила. И он не мог её винить. Потому что он сам себе не верил.

Ночью, когда дом затих, Дон спустился в подвал. Там, за старыми коробками с книгами и сломанной мебелью, была стена. За стеной — тайник. Он не открывал его пятнадцать лет. Он поклялся, что никогда не откроет.

Он открыл.

В тайнике лежали вещи, которые он не смог выбросить. Старая тетрадь с записями. Перчатки. И маленькая деревянная шкатулка, в которой он хранил... он сам не знал, что. Может быть, доказательства. Может быть, напоминание. Может быть, предупреждение.

Он открыл шкатулку. Внутри лежала записка — единственная, которую он оставил себе. Написанная его рукой. Те же аккуратные буквы. Те же слова.

«Ты знаешь, за что».

Дон смотрел на записку и чувствовал, как прошлое поднимается из глубины, как холодная вода в затопленном подвале. Он закрыл шкатулку. Положил её обратно. Закрыл тайник.

Но он знал: теперь это не поможет. Кто-то нашёл его. Кто-то знает. И этот кто-то не собирается останавливаться.

Утром в новостях сказали, что полиция нашла вторую жертву. Мужчина, сорок лет, жил один. Та же картина: запертая дверь, никаких следов взлома, записка на зеркале.

Дон выключил телевизор.

Он стоял в гостиной, глядя на тёмный экран, и думал о том, что пятнадцать лет — это долго. Достаточно долго, чтобы поверить, что ты изменился. Но недостаточно долго, чтобы кто-то другой забыл.

Глава 2

Прошло три дня. Дон считал их по утрам, как заключённый считает дни до освобождения. Каждое утро он просыпался с мыслью, что сегодня всё закончится. Каждое утро он ошибался.

Полиция не делилась подробностями. Газеты писали

осторожно: «загадочные обстоятельства», «следствие продолжается», «полиция просит откликнуться свидетелей». Мэйплвуд был маленьким городом, и здесь все знали всех, но никто не знал ничего. Люди говорили о Клэр Деннис и втором убитом — мужчине по имени Роберт Хейл, сорок один год, бухгалтер, — но говорили так, как говорят о погоде: с тревогой, но без понимания.

Дон понимал. Это было проклятием.

Он знал, что стоит за словами «никаких следов взлома». Знал, что значит «записка на зеркале». Знал, почему полиция молчит. Он знал это потому, что сам когда-то был причиной такого молчания. И теперь, стоя за стойкой в библиотеке и выдавая книги, он чувствовал себя актёром, который играет роль в пьесе, написанной кем-то другим.

В пятницу утром в библиотеку пришла Сара Митчелл.

Дон заметил её сразу — не потому, что ждал, а потому, что научился замечать всё. Она вошла в дверь, стряхнула дождь с куртки и направилась к стеллажам с периодикой. Дон смотрел на её отражение в стекле шкафа: она двигалась уверенно, но без спешки. Так двигаются люди, которые знают, что делают.

Он вернулся к работе — расстановка книг, всё как обычно, — но краем глаза следил за ней. Она провела в зале около двадцати минут. Пролистала подшивку «Мэйплвуд Игл» за прошлый год, что-то записала в блокнот, потом подошла к стойке.

— Мистер Рейнольдс.

— Детектив. — Дон поднял глаза. — Нашли что-нибудь?

— Работаем. — Она положила на стойку карточку. — Я хотела спросить: вы ведёте учёт посетителей?

— Нет. У нас открытый доступ. Люди приходят, читают, уходят. — Он пожал плечами. — Это библиотека, а не банк.

— Клэр Деннис часто бывала здесь?

— Раз в неделю, примерно. Брала книги по истории и политике. Она писала статью о местном совете.

Сара кивнула, словно это подтверждало что-то, что она уже знала.

— А Роберт Хейл?

Дон на секунду задумался. Имя было знакомым — но не из библиотечных формуляров. Оно всплыло откуда-то из глубины, из тех мест, которые он старался не трогать.

— Не припомню, — сказал он. — Может, и был. Я не всех запоминаю.

— Понятно. — Сара смотрела на него чуть дольше, чем нужно. — А вы сами? Вы часто читаете книги по криминалистике?

Вопрос был неожиданным. Дон почувствовал, как напряглись плечи.

— Иногда. Почему вы спрашиваете?

— Просто любопытно. — Она улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз. — Вы знаете, что в прошлом году кто-то взял из вашей библиотеки три книги по судебной психологии? Я

проверила формуляры. Они числятся за карточкой, которая не совпадает ни с одним жителем города.

Дон смотрел на неё и думал о том, как быстро всё рушится. Пятнадцать лет он был осторожен. Пятнадцать лет он не оставлял следов. Но кто-то другой — кто-то, кто знал его почерк, — оставлял их за него.

— У нас бывают туристы, — сказал он ровно. — Летом. Может быть, кто-то из них.

— Может быть. — Сара убрала карточку в карман. — Спасибо, мистер Рейнольдс. Если вспомните что-нибудь о Роберте Хейле, позвоните.

Она ушла. Дон стоял неподвижно, глядя на дверь, которая закрылась за ней. Потом медленно выдохнул и посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Хорошо. Значит, он ещё владел собой.

Но в голове стучала одна мысль: три книги по судебной психологии. Он никогда их не брал. Он никогда не выписывал их на чужую карточку. Кто-то сделал это за него. Кто-то хотел, чтобы полиция пришла в библиотеку.

Кто-то хотел, чтобы Сару Митчелл заинтересовал тихий библиотекарь.

Вечером он не пошёл домой. Сказал Лизе, что задержится на работе — инвентаризация, — и она поверила. Или сделала вид, что поверила. Дон уже не различал.

Он поехал на Гринвуд-стрит. Дом Клэр Деннис стоял на

углу, затянутый жёлтой лентой. Полицейская машина дежурила у входа, но внутри никого не было — окна тёмные, тишина. Дон припарковался через улицу и заглушил двигатель.

Он не знал, зачем приехал. Может быть, хотел увидеть. Может быть, хотел понять. Может быть, надеялся, что вид дома вернёт его в реальность, где всё это — просто совпадение.

Он просидел в машине около часа. Ничего не произошло. Потом он увидел, как из-за угла выходит женщина в тёмном пальто. Она шла быстро, низко опустив голову. Дон узнал её сразу: Сара Митчелл. Она подошла к дому, поговорила с дежурившим офицером, потом обошла здание сзади.

Дон завёл двигатель и уехал.

Дома он соврал ещё раз. Лиза спросила, как прошла инвентаризация. Он сказал: «Долго». Она кивнула и отвернулась к телевизору. София уже спала. Дон поднялся в свою комнату — они с Лизой спали в разных комнатах уже год, и оба делали вид, что это из-за его бессонницы, — и сел на кровать, не включая свет.

Он думал о Клэр Деннис. О том, как она выглядела на фотографии: короткая стрижка, серьёзный взгляд. Он не знал её. Он никогда её не видел. Но кто-то убил её так, как когда-то убивал он, и оставил записку, которую он когда-то оставлял. Это было не просто подражание. Это было послание.

Он открыл ноутбук и зашёл на сайт местной газеты. Ста-

тья о втором убийстве. Фотография Роберта Хейла — мужчина с усталым лицом и редкими волосами. Бухгалтер. Жил один. Никаких врагов.

Дон читал и чувствовал, как внутри него что-то складывается — медленно, как пазл. Он знал этот тип. Он знал, почему выбрали именно его. Роберт Хейл был одинок. Он не оставил ни жены, ни детей, которые могли бы поднять шум. Его смерть была тихой. Так же, как когда-то тихими были смерти тех, кого выбирал сам Дон.

Подражатель не копировал его слепо. Он понимал логику. Он понимал, почему Дон выбирал именно таких жертв — тех, кого никто не будет искать слишком усердно. И он следовал той же логике.

Дон закрыл ноутбук. В темноте комнаты его лицо отражалось в тёмном экране — бледное, неподвижное.

«Ты знаешь, за что», — сказал он себе. И не нашёл ответа.

Утром он получил письмо.

Оно лежало в почтовом ящике вместе со счетами и рекламными листовками — обычный белый конверт без обратного адреса. Дон вскрыл его ножом для масла и вытащил листок. Бумага была плотной, почти картонной. На ней — одна строка, написанная аккуратными буквами:

«Ты учил меня. Теперь я учу тебя».

Дон смотрел на строку, и мир вокруг него сужался — медленно, как вода в воронке. Он узнал почерк. Не свой. Чужой

— но знакомый. Этот человек подражал ему так тщательно, что перенял даже манеру письма.

Он смял листок и сунул в карман. Потом достал его обратно, разгладил и спрятал в бумажник. Улики нельзя уничтожать. Даже если они указывают на тебя.

В библиотеке он не мог сосредоточиться. Книги падали из рук. Компьютер зависал. Эми что-то спрашивала, а он не слышал. В голове стучало одно: «Ты учил меня».

Он никого не учил. Он никогда никого не учил. Его жизнь была одиночной, замкнутой, как комната без окон. Он не делился. Он не хвастался. Он не оставлял последователей.

Или оставлял?

Он попытался вспомнить. Пятнадцать лет — это долго. Память тускнеет. Но были лица. Были встречи. Были люди, которые смотрели на него слишком внимательно. Люди, которые задавали вопросы. Люди, которые, возможно, видели больше, чем должны были.

Он не мог вспомнить ни одного.

После обеда он пошёл в архив. Комната в подвале библиотеки, где хранились старые подшивки газет и документы. Он редко сюда заходил — здесь было пыльно и душно. Но сейчас ему нужно было подумать. И здесь, среди забытых бумаг, думалось легче.

Он сел на стул и закрыл глаза. Перед ним проплывали лица. Женщина в баре, которая смотрела на него слишком дол-

го. Мужчина на автобусной остановке, который спросил, не он ли тот самый... нет, это было в другом городе. Мальчик, который однажды подошёл к нему на улице и спросил, как пройти в библиотеку. Мальчик лет шестнадцати, с внимательными глазами.

Дон открыл глаза.

Нет. Это было давно. Это было до. Это было в другой жизни.

Но что, если та жизнь не закончилась? Что, если она просто ждала?

Дома он вёл себя как обычно. Ужин, разговоры, телевизор. София рассказывала о школе, о подруге, которая поссорилась с другой подругой, о контрольной по химии. Дон слушал и кивал. Лиза смотрела на него поверх чашки. Он делал вид, что не замечает.

Потом, когда все легли спать, он снова спустился в подвал. Открыл тайник. Достал старую тетрадь.

Это был его дневник. Не тот, который он вёл для себя. Другой — список. Имена, даты, места. Всё, что он делал. Всё, что он хотел помнить — или, может быть, забыть.

Он пролистал страницы. Пятнадцать лет назад. Двадцать лет назад. Двадцать пять.

И на одной из страниц, в самом углу, его рукой было написано имя. Не жертвы. Не заказчика. Что-то другое.

Он не помнил, откуда оно взялось. Не помнил, почему за-

писал его. Но оно было там, в тетради, которую он не открывал пятнадцать лет.

«Томас Рид. Спросил, как пройти в библиотеку».

Дон смотрел на строку. Потом закрыл тетрадь и убрал её обратно в тайник.

Он не знал, кто такой Томас Рид. Он не помнил его лица. Но он знал, что этот человек помнит его. И что он ждал пятнадцать лет.

В воскресенье днём он пошёл в участок. Сара Митчелл была на месте — сидела за столом, окружённая папками, с телефонной трубкой у уха. Когда он вошёл, она положила трубку и посмотрела на него.

— Мистер Рейнольдс. Что-то случилось?

— Я хотел спросить, есть ли новости, — сказал он. — О деле.

Она откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. В её взгляде было что-то новое — не подозрение, а оценка. Она изучала его так, как изучают сложный механизм, который может быть опасен.

— Почему вы спрашиваете?

— Я живу в этом городе. Мне небезразлично.

— Небезразлично. — Она повторила слово, словно взвешивая его. — Вы знаете, что записка на зеркале была не единственной? На втором месте преступления тоже была записка. Тот же почерк.

Дон покачал головой.

— Я этого не знал.

— Мы не сообщали в прессу. — Она наклонилась вперёд. — Мистер Рейнольдс, вы когда-нибудь слышали имя Томас Рид?

Мир вокруг него замер. Дон почувствовал, как пол уходит из-под ног, и схватился за край стола, чтобы не покачнуться.

— Нет, — сказал он. — Не слышал.

Сара смотрела на него долгую секунду. Потом кивнула.

— Спасибо. Если вспомните — позвоните.

Дон вышел на улицу. Дождь шёл стеной. Он стоял под козырьком и смотрел, как вода разбивается об асфальт, и думал о том, что ложь — это тоже своего рода копия. Ты повторяешь одно и то же, пока оно не станет правдой.

Но правда была в другом. Правда была в том, что кто-то знал его имя. И этот кто-то уже был рядом.

Глава 3

Сара Митчелл не верила в совпадения. За восемь лет работы в полиции — сначала в Остине, потом здесь, в Мэйплвуде, — она усвоила одну простую истину: если два события происходят рядом, между ними есть связь. Вопрос только в том, кто её создал.

Утром в понедельник она сидела в участке и смотрела на доску, которую собрала в свободном углу кабинета. На доске были фотографии: Клэр Деннис, Роберт Хейл, сцены пре-

ступлений, записки. Нити красной пряжи соединяли их в узор, который пока ничего не значил.

Пока.

— Ты выглядишь так, будто не спала, — сказал детектив Рэй Морроу, её напарник. Он был старше, грузнее, и его методы работы сводились к тому, чтобы задавать вопросы и ждать, пока люди сами запутаются в ответах. Сара предпочитала другой подход: она копалась.

— Не спала, — подтвердила она. — Два убийства за неделю. В городе, где последнее убийство было пять лет назад — и то бытовое.

— Может, это и есть бытовое. Мужчина, женщина, оба одинокие...

— Оба заперты изнутри. Оба с записками на зеркале. Оба без следов борьбы. — Сара покачала головой. — Это не бытовое. Это что-то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.